

Первой лошастью, на которую я села, был Горбатый.

Вообще-то, его настоящее имя – Красавчик; так записано в документах и на двери денника, но Красавчиком его никто не называл. Разве что Виктор Петрович.

Дело в том, что в конюшне целых два Красавчика, и чтобы их различать, одного мы называем Мышь, потому что мышастый, а второго Горбатый, потому что спина у него проваленная и холка со стороны – ну вылитый горб. Это от ранней заездки, так мне сказали. Поэтому и седло на него нужно особое, с вырезом.

Когда-то конь был гнедым, но с годами так поседел, что все время кажется, будто его снегом припорошило. Старый, старше всех на конюшне. Шерсть с него лезет клочьями, мышцы одряхтели, провисли, на глазах мухи роятся, потому что он вечно засыпает и забывает их согнать. А, может, устает.

Одним словом, Красавчиком Горбатого назвать и язык-то не повернется. Вроде как издевательство над стариком.

На Горбатом никто не ездил, потому что он бегать не любил. Кому охота сидеть на тихоходе, когда в конюшне столько молодых лошадей. Но в этот раз был особенный случай – Настя Токарева.

Я была новичком на конюшне, потому что пришла всего неделю назад. И ездить не умела. Поэтому мне приходилось чистить денники и лошадей, делать другую работу и надеяться, что кто-нибудь из «старших» обратит на меня внимание и в свободное время потренирует в манеже.

Но вся беда в том, что свободного времени не оставалось. В прошлый понедельник, как раз, когда я пришла, привезли сено. Директор конюшни выпрыгнул из своей «Нивы» и радостно закричал, потирая руки.

– Девчонки, живем! Через час сено приедет! Чтоб все были на разгрузку.

Девочки встретили его энтузиазм красноречивым молчанием. Вечерняя каталка накрылась.

– Виктор Петрович! – нашлась что ответить Рина. – К нам новая девочка пришла. Алина.

– Очень-очень кстати! – кивнул мне директор. – Добро пожаловать в семью.

– Спасибо!

Вскоре приехали три фуры и оставили после себя такую гору, на которую и взглянуть-то страшно. Тысяча тюков по пятнадцать килограмм, всего, получается, пятнадцать тонн сена.

– И это только первая партия, – «обрадовала» меня Зоя.

– Куда так много?

– Разве это много? Тут на два месяца всего, и то, если экономить.

В первый день мы выгружали сено из фур. Во второй, как шеренга муравьев, переносили гору от ворот к сenniку, осилив примерно половину. На третий день взялись за остальное, но пошел дождь и остаток горы намочило. Сколько смогли – спрятали в сenniк, остальное кое-как накрыли клеенкой и усталые разбрелись по домам.

Мокрое сено в сenniк грузить нельзя – попреет и пропадет. Поэтому еще четыре дня мы его сушили: разобрали тюки, рассыпали по внутреннему двору и ворошили вилами, чтобы сохло равномерно. А еще покормить двадцать три лошади и почистить двадцать три денника. Какие тут могут быть тренировки?

Пока сено не было убрано под навес, за седла никто и не брался.

Наконец, каторжная неделя закончилась. И тут появилась Настя Токарева.

Она пришла под вечер, как раз ко времени вечерней каталки. Мы всей толпой сидели в беседке, пили чай из пластиковых стаканчиков и обсуждали, кто на ком поедет. Я слушала, развесив уши, и, конечно же, завидовала. В поля берут только тех, кто хорошо держится в седле.

– Привет, бабоньки! – в проеме беседки появилась худосочная блондинка с длинным носом. Настю я видела впервые, но вела она себя здесь по-хозяйски. Плюхнулась на лавку, толкнув локтем Нину, и потребовала сделать ей чайку. Нина послушно поплелась в амуничник за чайником.

– Ты где пропадала? – сморщила нос Рина.

– Да меня мамка не пускала. Ой, короче, не хочу про нее.

Дайте хоть тут отдохнуть.

– Так ты отдохнуть пришла? – прищурилась Зоя.

– Ой, отстань, – отмахнулась Настя. – Что у вас новенького?

– Сено всю неделю сушили, мы тебе звонили.

– Да, знаю-знаю. Вот это попадос, конечно. Но я не могла. Я сразу предупредила, что меня не пустят.

– А сегодня пустили?

– Ну, не может же она меня всю жизнь под замком держать! – хохотнула Настя.

– Ладно, пойдем седлаться, а то стемнеет, – поднялась с места Зоя.

– О, я с вами, ладно?

– Ну, не знаю даже, – девочки переглянулись. – Иди у Виктора Петровича спрашивай.

Настя закатила глаза. Ей очень не хотелось к Петровичу, но все остальные собрали седла и пошли к лошадям. В беседке осталась только я.

– А ты чего сидишь? – Настя только сейчас обратила на меня внимание.

– Я не умею ездить.

– А, понятно. Тяжелый случай. Ну счастливо оставаться, – и она направилась в сторону одноэтажного серого сарайчика напротив главки, где находился кабинет Виктора Петровича. Ставни были открыты настежь, и я слышала все, что происходило в кабинете.

– Виктор Петрович, здравствуйте! Как ваше самочувствие?

– Спасибо, Настя, здоров я. Зачем пожаловала? – я живо представила себе, как директор оторвал взгляд от расчетной книги, скрестил над столом костяшки пальцев и строго глянул на нее поверх толстых пластиковых очков.

– А можно мне Агату взять?

– Агату нельзя, у нее наминка.

– Как наминка? От чего?

– Пришла бы вчера да раскрючковала копыта, вот бы и знала, от чего.

– Меня мамка не пускала.

– Ну, вот то-то же и оно, – судя по тону директора разговор на этом был окончен.

– Ну, тогда я на ком-нибудь другом поеду, – настаивала Настя.

– А что за надобность такая?

– Соскучилась, понимаете. Целую неделю взаперти, без лошадей.

– Ну, раз так соскучилась, ладно – возьми Красавчика.

– Так на нем Зоя поедет.

– У нас ведь еще один Красавчик есть. Забыла?

– Горбатый что ли?

– Это ты горбатая, а он Красавчик. Паспорт, может, показать?

– Нет, спасибо, я вам верю, – долгая пауза. – Виктор Петрович, я на нем не поеду.

– Отчего же? Отличный конь, я и сам на нем ездил не раз, как помоложе был.

– Вот именно! Он старый. Ему давно на пенсию пора.

– И я старый. Мне, что ли, тоже на пенсию? – я впервые слышала, чтобы наш директор говорил так колко.

– Нет, Виктор Петрович. Я вас не хотела обидеть. Но вы ведь понимаете, о чем я. Мы в хвосте у всех плестись будем.

– Шаг тоже аллюр.

– Дайте другую лошадь. Любую. Только не его.

– Если хочешь ехать, поезжай на Красавчике. Или приходи работать со всеми, тогда и выбирать будешь.

Из кабинета Настя вышла совсем как без лица. Переоделась, схватила старую ратомку Горбатого и пошла в конюшню.

Через несколько минут девочки собрались и с веселым ржанием умчались в поля. Мне остались немытые кружки на столе и мечты о том, как я тоже поеду верхом.

Обиднее всего было то, что Насте сразу дали лошадь. Конечно, у «старичков» на конюшне больше прав. Но у меня не было даже шанса! Разве можно научиться ездить, когда целыми днями только сено ворошишь?

Чтобы успокоиться, я пошла расчесывать гривы. Это самое безмятежное в мире занятие. Стоишь, разбираешь пальцами тяжелые волосы, слушаешь хруст сена и фырканье.

Лошадям хорошо, они жуют и отдыхают, и ты вместе с ними тоже расслабляешься и чувствуешь себя счастливее.

Наконец, за воротами послышался цокот копыт – лошади вернулись. Я выглянула из конюшни и удивилась. Уезжали пятеро, вернулись только трое: Рина, Зоя и Ася.

– А где остальные? – спрашиваю.

– Красавчик отстал в полях, а Ива осталась его ждать, – Зоя всегда называла имена лошадей, а не всадников.

– Теперь их только к вечеру ждать, – хихикнула Ася.

Но она ошиблась: лошади вернулись минут через пятнадцать. Ива слегка взмокшая, а вот Горбатый выглядел так, словно принимал душ, намылился, воду отключили, а он так и остался – мокрый и взмыленный.

Когда Настя с него слезла, конь весь дрожал и смотрел прямо перед собой стеклянными глазами.

– А вы говорили, старпер, – с торжествующим видом произнесла всадница. – Да он еще так носится, что молодым завидно!

Мы остолбенели. Нина сидела на Иве, потупив взгляд. Ее кудряшки растрепались и поникли.

– Настя, что ты с ним сделала? – выдавила из себя Зоя.

– Двинула хорошенько. Талантливый всадник даже убогую лошадь расшевелит. Учитесь, пока я жива. Ой, ссать хочу, заведите его кто-нибудь, – Настя бросила мне повод и умчалась в сторону туалета.

– Иди в манеж и шагай, – распорядилась Рина. Ее лицо побелело от ярости.

– Как шагать?

– Садись верхом и двигай его, пока не обсохнет.

– Может, лучше в денник поставить? Пусть отдохнет.

– Делай, что сказано. После работы коня нужно отшагать. Заодно поучишься. И не вздумай поить.

– Ладно. А вы все куда?

– А мы с ней поговорим, – кивает в сторону туалета. – Пока Петрович не разобрался по-своему.

– Давай, прыгай в седло, не тормози, – подталкивает меня Ася.

Меня подсаживают в седло, но я даже не успеваю удивиться. Слышу только, как конь подо мной вздыхает.

Девочки уходят, а мы с Горбатым плетемся в сторону манежа. Солнце садится и плац постепенно, сантиметр за сантиметром, проваливается в серый мрак.

Я много раз представляла, как сяду на лошадь, возьму повод, как она поведет ушами в мою сторону, и мы тронемся с места. А дальше я уже видела себя летящей в радостном легком галопе.

Все случилось не так. Я сидела верхом и сторала от стыда перед Горбатым за то, что залезла на него да к тому же толкаю ногами, заставляю дышать, двигаться, жить. А он так устал.

Мне и радостно и горько оттого, что я на нем еду. Мечта сбылась – и вот я на спине лошади, вот я впервые смотрю на мир между конских ушей. И этот миг ни с чем не сравнить и не забыть. Но я готова сквозь землю провалиться. Как можно было так загнать лошадь? Ведь он этого не заслужил.

Больше всего на свете мне хотелось перед ним извиниться. Я прижалась щекой к мокрой шее и стала шептать ему все, что мне в голову приходило. Лицо стало мокрым и соленым от конского пота. А Горбатый, мне казалось, слушал и все понимал.

– Алина? – Виктор Петрович стоит у манежа и всматривается в сумрак.

– Да, это я, – киваю и быстро отвернувшись вытираю глаза. Правда, плакала? Я и не заметила.

– Уже в седле? Быстрая нынче молодежь, быстрая, – директор заходит в манеж, подходит к нам и гладит Горбатого. Конь уже обсох, но дышит устало, словно через силу. – Ездил бы ты на другой лошади. Этот, видишь, совсем немощный стал, дышит едва. Сдал, ты Красавчик, сдал, дружок.

– Нет, это неправда! – мой голос все еще дрожит от слез. – Он не сдал. Он не виноват в том, что так дышит. Это люди виноваты, а он – хороший. Он лучше всех нас!

– Вот как? – Петрович задержался на мне взглядом. – Ну, если ты уже сейчас так говоришь, то будет из тебя толк. Завтра возьми Агату.